

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сириус Хоук. Книга 1.

18+

Александр Хоук

Точка невозврата: Сириус Хоук

«Автор»

2026

Хоук А.

Точка невозврата: Сириус Хоук / А. Хоук — «Автор», 2026

Он — объект 0773. Собственность корпорации «Био+». Гибрид волка и лисы, рождённый для чужих амбиций, боли и экспериментов. Его прошлое стёрли, оставив только холод в груди, запах антисептика и крики из-под пола лаборатории. В нём видят идеальный материал. Бесправную вещь. очередной тест для нейроблокаторов. Но они ошиблись. В его крови — не только химия. В нём живёт зверь. Тот, кто умеет видеть в темноте, чувствовать страх за милю и рвать глотку тем, кто считает его вещью. Он не помнит своего имени. Не помнит, откуда родом. Но он точно знает: он не останется на кушетке с ремнями. Он не будет собственностью. Побег — это только начало. Система ещё не знает, кого она пыталась сломать. «Я не объект. Я — Сириус Хоук. И я не сдамся».

© Хоук А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЭПИГРАФ	5
ПРОЛОГ «СОБСТВЕННОСТЬ»	6
ГЛАВА 1 «АНАЛИТИКА»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Точка невозврата: Сириус Хоук

ЭПИГРАФ

«У каждого есть точка невозврата. Момент, когда ты перестаёшь быть жертвой. Когда страх превращается в ярость. Когда ты понимаешь: назад дороги нет. И тогда ты делаешь шаг. Первый шаг к свободе. Или последний — к гибели. Но это уже не важно. Важно только то, что ты больше не стоишь на месте».

ПРОЛОГ «СОБСТВЕННОСТЬ»

Нью-Йорк. Клиника «Био+».
Он проснулся от холода.

Не от боли, не от звука — от холода в груди. Будто кто-то положил ему на сердце кусок льда.

Он открыл глаза. Белый потолок. Белые стены. Белый свет. Запах антисептика и металла. Он не знал, где он.

Он попытался встать — тело не слушалось. Лапы дрожали, в голове туман. Он посмотрел на передние лапы. Рыжий мех. Тёмные пальцы. Когти. Он знал, что это его лапы. Но они казались чужими.

Он закрыл глаза и вспомнил.

Мать — лиса. Рыжая, тёплая, пахнет травами. Гладит его по голове, говорит что-то ласковое. Он не помнит слов — только голос. Отец — волк. Серый, большой, сильный. Пахнет дымом и железом. Учит его чему-то. Он не помнит чему — только руки. Крепкие. Надёжные.

Потом — вспышка. Крик. Огонь. Лицо в зеркальных очках. Слово, которое он не понимает: «Затмение».

Потом — темнота.

Потом — здесь.

Он открыл глаза. Вентиляция. Решётка. Четыре болта. Он смотрел на них и ждал, что это сон. Не сон. Он не знал, где его родители. Живы ли. Ищут ли. Или забыли. Знал только одно: он найдёт их. Или умрёт.

На тумбочке рядом с койкой лежала папка. Картонная, аккуратно сложенная, будто ждали, что он её возьмёт. На обложке — печатными буквами: «ДЕЛО №0773-ОМЕГА. ХОУК, СИРИУС».

Он взял её. Лапы не слушались. Открыл.

Внутри — фотография. Он сам. Молодой, испуганный, смотрит в камеру. Глаза — зелёный и янтарный. Шрам через левую бровь. Под фотографией — данные: вид — гибрид, волк-лиса; рост — сто восемьдесят девять сантиметров; маркер — рыжий мех; статус — активный объект, подлежит экспериментальным протоколам; прописка — Чикаго, Иллинойс. Место рождения — Россия, Тула.

Чикаго. Он перечитал. Чикаго. Он помнил этот город. Смутно. Дом. Двор. Запах яблок. Голос матери: «Сириус, не убегай далеко!» Лиц не помнил. Только голос.

Он закрыл папку, положил на койку. Посмотрел в окно. За стеклом — небоскрёбы. Стальные, холодные, чужие. Это был не его город. Но он был в нём. И где-то там, за стенами этой лаборатории, были его родители. Или их тела. Или правда о них.

Он должен узнать.

Дверь открылась. Он вздрогнул, обернулся. На пороге — волчица. Молодая, в белом халате, с планшетом в лапах. Светло-серая шерсть, янтарные глаза. На груди — бейдж: «КЕЙТ».

Она не улыбнулась и не нахмурилась. Просто посмотрела на него. Как на объект. Как на работу.

— Ты проснулся, — сказала она ровно. — Хорошо. Мне нужно взять у тебя кровь.

Он молчал. Она подошла, взяла шприц с подноса, взяла его переднюю лапу. Не грубо. И не нежно. Просто эффективно. Он смотрел на её морду. На глаза. На то, как она смотрит на его вены — а не на него.

Она взяла кровь, отпустила лапу, записала что-то в планшет.

— Хорошо, — сказала она. — Скоро придут другие. Не сопротивляйся.

Она развернулась и вышла. Замок щёлкнул. Он остался один. В белой комнате. С папкой на койке. С чужой кровью в пробирке.

Он посмотрел на дверь. Потом на окно. Потом на свои лапы.

Он не знал, кто он. Не знал, что будет дальше. Знал только одно: он должен выбраться.

И тут он услышал.

Крик. Откуда-то снизу, из-под пола. Приглушённый, но отчётливый.

— Не надо! Пожалуйста! Я не хочу! Прошу вас! Не надо!

Голос сорвался на визг. Потом — тишина.

Потом — ещё один крик. Другой голос. Женский.

— Отпустите меня! Я не подопытная! Я человек! Я...

Удар. Глухой. Крик оборвался на полуслове. Только тихий хрип. Как у зверя, которому вырвали глотку.

Сириус замер. Смотрел в пол.

Под его задними лапами были другие. Такие же, как он. Или не такие — неважно. Они кричали. Они просили. Они умирали.

Он сжал передние лапы в кулаки. Когти впились в ладони. Больно. Он не разжал. И запомнил этот звук.

Хвост дёрнулся — коротко, резко. Сам. От страха. Он не мог его унять. Пока не мог.

ГЛАВА 1 «АНАЛИТИКА»

День 1.

Его разбудили током.

Удар пришёл в бок — короткий, злой. Мышцы свело, тело выгнуло дугой, зубы клацнули. Сириус распахнул глаза.

Над ним — охранник. Крупный, в чёрной форме, дубинка в передней лапе. На конце дубинки искрят электроды.

— Вставать, — сказал он без эмоций. — Через пять минут построение.

Сириус не дёрнулся. Знал: дёрнешься — ударят снова. Сел. Бок горел. Мышцы дрожали. Задние лапы не слушались. Передние — рыжий мех, тёмные пальцы, когти. Всё чужое.

Второй охранник, молодой, стоял у двери и смотрел в телефон. Ему было всё равно.

— Пошёл, — крупный показал дубинкой на дверь.

Сириус встал. Задние лапы слушались плохо. Шаг. Ещё шаг. Пошёл.

Хвост тащился за ним по полу — пушистый, длинный, с белым кончиком. Он не мог его поднять. Пока не мог.

Коридор — длинный, белый. Лампы на потолке гудят. Через каждые десять метров — камера. Одна у поворота, вторая над дверью. Справа, у стены, — слепая зона. Он скользнул по ней взглядом. Отложил.

В столовой шумно и душно. Большой зал, серый бетон, столы и скамьи. Заключённые — волки, лисы, кошки, птицы, рептилии — сидят молча, глаз не поднимают. На каждой шее — ошейник. Чёрный, толстый. На каждом мигает красный огонёк.

Сириус взял поднос. Миска с серой массой — пахнет кислым и гнилью. Хлеб чёрствый, по краям плесень. Вода мутная, с осадком на дне. Желудок сжался. Он сел за дальний стол — спиной к стене, чтобы видеть всех. Взял ложку.

Ел медленно, не чувствуя вкуса. Знал: не съест — ослабнет. Ослабнет — не сбежит. Доел всё. Отставил миску.

Он смотрел на других. Волки, лисы, собаки. Сидят сгорбившись, молчат. Красные огоньки на шеях. Своего ошейника он не видел — но чувствовал холодный металл под мехом.

Сзади грохнуло — резко, коротко.

Он дёрнулся. Обернулся.

Удар.

Ток скрутил мышцы. Передние лапы дёрнулись, задние подкосились. Он упал мордой на стол. Миска опрокинулась, серая масса растеклась по подносу. Боль — белая, горячая. Заполнила всё: от когтей до кончика хвоста. Он не кричал — не мог, челюсть свело. Через три секунды отпустило.

Он лежал на столе. Дышал тяжело, рвано. Вокруг никто не смотрел. Никто не помог. Никто не удивился. Они знали. Все знали.

Он медленно поднялся. Сел ровно. Дыхание рваное, лапы дрожат. Понял: резко — нельзя. За резкое — бьёт.

Голову не поворачивал. Смотрел зрачками. Медленно.

Справа — дверь. Заблокирована. Велосипедный замок. Кодовый. Отложил.

По периметру — камеры. На сервоприводах. Гуляют туда-сюда. Медленно. Есть ритм. Зарубил.

Один охранник. Сидит на стуле. Спит. На лапе — часы. На столе — телефон. Видео играет. Он уснул под видео.

Его привели в медблок. Белое помещение, стерильное, запах спирта и металла. В центре — металлическая кушетка с ремнями по бокам.

— Ложись, — сказал охранник.

Сириус лёг сам. Без сопротивления. Сопротивляться — больно. Больно — слабость. Слабость — смерть. Задние лапы легли на кушетку, передние — по бокам. Охранник пристегнул ремни: передние лапы, задние, грудь, шея. Не туго, но надёжно. Вышел. Дверь закрылась.

Сириус посмотрел в потолок. Вентиляция. Шахта. Решётка прикручена четырьмя болтами. Верхний правый сорван. Потянуть — поддастся. Отложил.

Кушетка под ним пружинила. Он надавил задними лапами, оттолкнулся — пружины сжались и вернулись. Прикинул расстояние до потолка: метра три, может, три с половиной. Если оттолкнуться — можно дотянуться передними лапами до решётки, схватиться, подтянуться. Зарубил.

Дверь открылась. Вошла Кейт. Белый халат, планшет в передней лапе, шприц на подносе. На него не посмотрела. Подошла к кушетке, взяла поднос.

— Расслабься, — сказала она ровно.

Сириус не расслабился. Она взяла его переднюю лапу, повернула, нашла вену. Уколола. Кровь потекла в пробирку. Она молчала. Он тоже. Она вынула иглу, прижала ватку, записала что-то в планшет.

— Готово, — сказала тихо и вышла.

Сириус остался лежать. Смотрел на потолок. Думал о том, что не хочет здесь находиться. Он не знал, что это значит. Но что-то изменилось.

Его увели обратно в камеру. Без экспериментов — после тока тело должно было восстановиться. Охранник отстегнул ремни молча. Вышел. Замок щёлкнул.

Сириус сел на койку. Закрыв глаза. Слушал.

Шаги. Тяжёлые, ритмичные. Прошли мимо двери, удалились влево. Он открыл глаза. Посмотрел на дверь. Закрыв. Ждал.

Через некоторое время — снова шаги. Прошли мимо, удалились вправо. Ещё раз — влево. И ещё раз — вправо.

Он понял: каждые пятнадцать минут охрана проходит мимо камеры. Уходит — и возвращается только через полчаса. Значит, пятнадцать минут у двери никого нет. Пятнадцать минут тишины. Пятнадцать минут — окно.

Он слушал. Считал. Ждал.

Вечером его вели обратно из столовой. Ужин — ещё более мерзкая каша, чем-то напоминающая гнилую гречку. Коридор жёлтый, тусклый. Галогенки гудят.

И вдруг — белое. Не жёлтое. Чужое.

На посту охраны — спящий молодой охранник. Белое свечение на подлокотнике стула. Часы. Умные, с чёрным ремешком. Экран горит. Время: восемнадцать ноль семь. Голова охранника запрокинута, рот приоткрыт. Телефон лежит на столе.

Сириус замедлил шаг. Крупный, который его вёл, отвернулся — проверял коридор, кричал на других зверей. Сириус сделал шаг к посту. Ещё один. Лапа сама потянулась. Пальцы коснулись ремешка. Холодный, гладкий. Он снял часы одним движением — мягко, быстро. Спрятал за пазуху, под шерстью. Охранник не проснулся.

Крупный обернулся.

— Чего встал? Пошёл.

Сириус пошёл. Не оглянулся. Сердце колотилось где-то в горле. Морда оставалась спокойной. Часы лежали под шерстью — холодные, гладкие. Восемнадцать ноль восемь.

Теперь он знал время. Теперь он мог считать.

Он вернулся в камеру. Сел на койку. Посмотрел на дверь, на потолок, на свои лапы.

Он не знал, кто он. Не знал, где его родители. Не знал, что будет дальше.

Но он знал одно: он должен выбраться. И теперь у него было время. И был план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.